

Можно с уверенностью сказать: жизнь в дружбе и понимании живут рядом два народа, если их соединила сама история, нити культуры так же взаимно пронизывают их жизнь. И, в частности, нити художественной литературы. Об этом свидетельствует книга, недавно вышедшая в Минске, в издательстве “Мастацкая літаратура” “Адреса русской литературы в Беларуси – Адреса белорусской литературы в России”. Автор её – известный писатель, краевед, журналист Александр Карлюкевич. Десять имён в этой книге, десятки литературных судеб их авторов, судеб произведений, повлиявших на развитие и состояние культуры. А в конечном итоге, сыгравших немалую роль в отношениях между нашими народами.

“Любые большие дороги начинаются из малых городов и деревень, из скромных уголков сельской провинции и городских улиц, дворов... – пишет автор в предисловии к книге. – Так и в писательских судьбах”. Автор собрал в книге разные имена, события и факты, которые представили общую картину белорусско-российских литературных связей.

В Беларуси есть несколько регионов, городов, с которыми связано особенно много судеб русских писателей. Это, прежде всего, Брест. Здесь в 1813–1816 годах служил Александр Грибоедов, здесь он написал первые произведения, и, конечно же, многие здешние наблюдения отразились на страницах комедии “Горе от ума”. С Брестом связаны судьбы Фёдора Глинки, Вильгельма Кюхельбекера, Кондратия Рылеева, Петра Вяземского, Алексея Шаховского – и это только начало XIX века. А в 1867–1869 годах русский прозаик Фёдор Решетников заканчивал здесь роман “Глумовы”, очерки и комедию “Прогресс в уездном городе”. В Бресте есть даже улица, названная в память о самобытном русском писателе. Нельзя не вспомнить, что с Брестчиной связана судьба Константина Георгиевича Паустовского, находившегося в городке Кобрин во время Первой мировой войны в составе санитарного отряда. Именно здесь, под раскаты артиллерийской канонады формировался его талант. Вот несколько строк из “Повести о жизни”: “...К вечеру мы вошли в местечко Кобрин. Земля, чёрная, как каменный уголь, была размешана в жижу отступающей армией. Косые дома с нахлобученными гнилыми крышами уходили в грязь по самые пороги. Ржали в темноте лошади, мутно светили фонари, лягали расшатанные колёса, и дождь стекал с крыш шумными ручьями...” Позже, вспоминая эти дни, он написал стихотворение, опубликованное уже после смерти писателя, в котором есть такая строка: “Здесь не надо жалеть, здесь не надо любить...” Понятно, что эта строка – о состоянии человека на войне.

Во время Первой мировой служил на Брестчине, в Полесье, и Александр Блок.

Хорошо известно, какую роль город над Бугом сыграл в Великой Отечественной войне. Здесь фашистские войска впервые столкнулись с героическими защитниками Родины. И, конечно, со временем эти трудные дни нашли отражение на литературных страницах. В 1956 году здесь был открыт Музей героической обороны Брестской крепости. Есть в Музее и стенд, посвящённый Сергею Смирнову (1915–1978), автору документальной книги “Брестская крепость”, отмеченной Ленинской премией, а одна из улиц города носит имя писателя. Он является почётным гражданином Бреста. Писали о героических защитниках города и многие русские поэты: Сергей Орлов, Сергей Островой, Лев Ошанин, Николай Доризо, Владимир Кузнецов, Роберт Рождественский... Но и до Великой Отечественной войны, когда в 1939 году здесь побывала группа русских поэтов – Семён Кирсанов, Борис Горбатов, Александр Твардовский, Дмитрий Кедрин, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, – появились стихи, в которых уже возникло ощущение тревоги. Вот строки из стихотворения Владимира Луговского “Беловежская пуца”:

*Снег летит всё студёней и гуще,
И трёхтонки проходят гуськом.
Говорит Беловежская пуца
Монотонным ночным языком...*

Придёт время, и Лев Ошанин напишет “Легенду о защитниках Бреста”.

Есть несколько писательских судеб, достойных отдельного разговора, к примеру, судьба аварского поэта Мухтара Абакарова. Он служил в пограничных войсках в районе Бреста, там и принял бой с фашистами. Был тяжело ранен, но снова пошёл на фронт и воевал в звании старшины Дагестанского кавалерийского эскадрона. Погиб в 1944 году.

Среди защитников Брестской крепости были русские поэты Михаил Петров, Леонид Решетников, Алексей Романов... Воевали на белорусской земле многие поэты и писатели республик Советского Союза. Это и калмыцкий поэт, белорусский партизан Михаил Хонинов, удмуртский писатель Михаил Лямин (автор повести “Четыре года в шинели”), удмуртский поэт, командир пулемётной роты Филипп Кедров (он погиб в феврале 1944 года), татарский поэт Заки Нури (переводы его стихов на белорусский осуществил наш известный поэт Никола Метлицкий) и, конечно же, народный поэт Башкортостана, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, а во время Великой Отечественной войны – начальник связи артиллерийского дивизиона Мустай Карим... Некоторые оставили замечательные строки, стихи других погибли в огне войны.

Вот строки, написанные Мустаем Каримом и переведённые на русский язык Михаилом Дудиным:

*Дрожит земля и звёзды меркнут
От орудийного огня,
И вдруг седая ночь, как беркут,
Накрыла крыльями меня.
Не тронь меня, проклятый беркут!
Земля, освободи меня!
Но кровь течёт, и звёзды меркнут,
И нет поблизости коня...*

В августе 1942 года Мустай Карим был тяжело ранен и около полугода находился в разных госпиталях... Вернулся на фронт уже в качестве военного корреспондента.

Великая Отечественная война породила многих с землёй Беларуси.

Старшее, да и среднее поколение нынешних граждан России и Беларуси хорошо помнит “Песню военных корреспондентов” Константина Симонова: “От Москвы до Бреста // Нет такого места, // Где бы не скитались мы в пыли, // С “лейкой” и блокнотом, // А то и с пулемётом // Сквозь огонь и стужу мы прошли...” Не забываются и многие иные произведения замечательного

писателя, прах которого, как известно, по завещанию поэта развеян над Буйничским полем у Могилёва. Более тесной связи не бывает...

Содержательная глава посвящена критике и литературоведу Алексею Кондратовичу, его книге “Признание” — сборнику портретов, воспоминаний, полемических статей. Алексей Кондратович внимательно следил за белорусской литературой. “Полагаю — и не без оснований, — что белорусская военная литература лидирует среди всех остальных литератур, — писал он. — Иначе вряд ли образовался бы превосходный авторский тандем Адамович — Гранин, а о Василе Быкове чуть ли не одновременно в Москве вышли две книги русских критиков. Такое не бывает случайно. Я бы сказал, что всесоюзный читатель следит за белорусской литературой так же внимательно, как за русской “деревенской” прозой, в своих лучших образцах, в сущности, равных классике. Мы обычно стесняемся говорить такие высокие слова, отдаём право признания их потомкам, но ведь бывали случаи, когда говорили их и современники. И не ошибались”.

В 1973 году в белорусском журнале “Нёман” появляются воспоминания Алексея Кондратовича об Александре Твардовском: “Я люблю белорусскую поэзию...” Рецензия “Дни тревог и мужества” в “Октябре” посвящена роману Ивана Чигринова “Плач перепёлки”. В 1978 году в “Литературной газете” помещена рецензия на книгу Алёны Василевич “Одно мгновение” — “От корня белорусской прозы”. В “Литературке” же появлялись рецензии критика на книгу Михася Стрельцова “Журавлиное небо” и на роман Виктора Казыко “Колесом дорога”.

Очерк А. Кондратовича о творчестве Нила Гилевича — “И этой веры хватит мне надолго...”, — напечатанный в “Литературной газете” в 1982 году — доброе слово удивления перед открытием неведомого ранее таланта. Александр Карлюкевич приводит важные слова критика: “Поэзия Нила Гилевича — чистая, многозначная, говорящая с нами как бы сама собой, — и в этом её особенная прелесть”. Продолжая тему связи русской и белорусской литератур, А. Карлюкевич отмечает, что Н. Гилевич переводил Александра Прокофьева, Бориса Слуцкого, Константина Ваншенкина, Римму Казакову, Владимира Фирсова и многих других, но его собственные стихи переводили относительно мало. Какая судьба ожидает его поэзию в России сегодня? Поэта такого масштаба в постсоветском пространстве смогут заново открыть лишь тогда, когда появятся соответствующие его уровню переводы на русский язык.

“Небом единым...” — так названа эта небольшая рецензия, таково название книги стихов Андрея Вознесенского в переводе белорусского поэта Рыгора Бородулина. И это ещё одно свидетельство взаимосвязи русской и белорусской литературы, свидетельство личной дружбы поэтов.

Однако рассказом о русских литераторах в Беларуси и белорусских в России не исчерпывается содержание этой книги. Важная её часть — связь белорусских писателей с писателями автономных республик России, в частности — с калмыцкими, татарскими, удмуртскими, чеченскими, дагестанскими литераторами.

В беседе А. Карлюкевича с народным писателем Удмуртии Ар-Серги разговор идёт о теперешнем положении писателя, живущего и работающего далеко от Москвы, о его жизненных и творческих проблемах. “Литература — моя взбалмошная подруга и моя строгая супруга, — говорит Ар-Серги, — мой праздник и мои тяжёлые будни, моя удача и непростые поражения. И поэтому я люблю её так, что всё время пытаюсь задуться в своих объятиях. Но она только смеётся...” И далее разговор идёт о творчестве как процессе, о влиянии литературы на реальную жизнь, о писателе как личности, о сегодняшнем читателе... “Литература — мой главный инструмент познания жизни. Никого я не хочу чему-либо учить, а лишь пытаюсь что-то понять сам, а потом уже, по возможности, поделиться с кем-то своим осмыслением действительности...” Интересно, что Ар-Серги, который пишет на удмуртском и русском языках, до 4-го класса школы вообще не знал русского языка. Однако со временем стал чувствовать, что ключом к пониманию мира во всех аспектах является русский язык, и освоил его быстро и глубоко.

Ар-Серги высокого мнения о предназначении литературы: “Пока жив человек, живо Слово, жива Литература. Человек, слово, время — вот три кита,

на которых жидется литература”. Нынче, конечно, в связи с расхождением общества многие писатели неясно представляют себе образ читателя. “Мой умуртский читатель не хуже и не лучше других, — считает Ар-Серги. — Я его неплохо представляю — мыслящего вещественными категориями, не любящего выпренности, громоздких фраз и эстетского порхания над темой. Это объясняется его природным, земледельческим мышлением”.

Не обойдён в интервью и вопрос об отношении писателя к белорусской литературе и вообще — к белорусам. Беларусь богата литературными талантами, считает Ар-Серги, это народ самодостаточный и деликатный, говорящий на мягком славянском языке.

(Вот и московский поэт Борис Дубровин писал: “Смотрю на Беларусь, встречаюсь с белорусами — и в душе, и на сердце только светлые чувства. . .”).

Интервью оказалось содержательным, поскольку авторы хорошо знакомы с творчеством друг друга.

Неожиданным и откровенным получился разговор А. Карлюкевича с народным писателем Чеченской республики Мусой Ахмадовым. Проблем в республике много — и внутренних, и внешних. Однако литература продолжает жить.

Самое значимое событие последних лет — открытие Чеченского государственного молодёжного театра “Серло”. Вопросы в своих спектаклях театр поднимает непростые: как сохранить традиции национальной культуры, возвратиться к духовным ценностям отцов и дедов, как проанализировать прошлое, найти пути к тому, чтобы оно не повторилось.

Беда в том, что чеченский язык теряет свои позиции. Тираж детского журнала на чеченском языке “Радуга” — 3–5 тысяч экземпляров. Причин тому несколько. Во-первых, детских писателей можно пересчитать по пальцам (Зайнап Сулейманова, Саид-Магомед Гелагаев, ещё несколько авторов. . .). Вторая причина — многие родители дошколят и учеников младших классов желают, чтобы их дети учились на русском языке. Дескать, образование на чеченском сужает перспективы, скажется на будущей профессиональной карьере ребят. . .

Есть всего лишь несколько молодых писателей, произведения которых построены на осмыслении исторического прошлого и настоящего чеченского народа. Однако среди 50–60-летних литераторов имеются громкие имена: поэзия Лечи Абдулаевой, проза Мусы Бексултанова, Султана Яшуркаева (хотя он живёт в другой стране — в Бельгии), и это не все имена. . .

Есть проблемы писательские, есть и читательские. Круг читателей старшего поколения сильно сократился: многие погибли в трагические для республики годы, иные бежали от войн в другие страны. Ну, а среди молодых людей мало тех, кто читает вообще, тем более на чеченском языке. Проблема эта всемирная, и связана она с возникновением новых информационных технологий. Однако Муса Ахмадов считает, что книга выдержит конкуренцию с айпадами и айфонами и будет жить параллельно с электронными изданиями.

Заметим, что, несмотря на все проблемы, названные Мусой Ахмадовым, в Чеченской республике переводят белорусскую поэзию. Известный литератор Адам Ахматукаев перевёл в последние годы Янку Купалу, Максима Богдановича, а к международному симпозиуму в Минске “Писатель и время” представил творчество 19 белорусских поэтов на чеченском языке: Аркадия Кулешова, Максима Танка, Пимена Панченко, Михася Стрельцова, Рыгора Бородулина, Алеся Бадака, Виктора Шнипа. . .

Похожие проблемы у многих “малых” народов. В Дагестане четырнадцать письменных языков, естественно, что и носителей языков немного. К примеру, ногайцев сегодня чуть больше ста тысяч, а когда-то это было большое государство — Ногайская орда, — говорит Анварбек Култаев, заслуженный деятель культуры Республики Дагестан. — Нынче ногайцы живут в разных странах.

Национальная литература стала развиваться с появлением письменности — в 1920–1930 годы, и процесс этот был успешным. Дело в том, что у ногайцев богатый и разнообразный фольклор. В устном творчестве присутствуют все жанры и виды литературы: эпос, волшебные-фантастические, богатырские и бытовые сказки, сказки о животных, героические и лирические песни. Поэты и акыны обращались к образам легендарных личностей, героям народных сказок, песен: “Сорок ногайских богатырей”, “Сын Айсылу Амет”, “Шора Батыр”,

“Эрболган”, а также к конкретным личностям — полководцу Эдиге, ногайской царице Суйимбике... Из прошлых веков ногайцы помнят многих поэтов: Кий-иза Тиленши улы, Досманбета Азавлы, Казтувгана Суйиниша, Саркынбая Азавлы и др. С горечью и печалью говорили они о болезненных проблемах родины, о распаде могучего государства на мелкие части и, наконец, об их исчезновении.

Всё это послужило для молодых поэтов животворным родником.

Сегодня произведения ногайских писателей переводятся и на русский язык, и на языки народов Дагестана, и на языки стран Содружества Независимых государств. Налаживаются неплохие отношения и с белорусскими литераторами. Ряд произведений подготовили к печати Микола Метлицкий, Виктор Шнип, Татьяна Сивец... Подборка современной ногайской поэзии помещена в журналах “Полымя”, “Маладость”, в газете “Літаратура і мастацтва”. Это работа, которая обогащает духовно обе стороны.

В заключение приведём несколько строк Анварбека Култаева из стихотворения “Друзьям”:

*Нет ничего друзей дороже —
Я этой дружбою горжусь.
Ведь наша дружба так похожа
На ослепительный Эльбрус!*

Стихотворение это посвящено памяти Янки Купалы и Петруся Бровки.

Судьбы многих литераторов Советского Союза, а нынче — независимых государств — так или иначе связаны с Россией, с Москвой. В разные годы в столице России формировались таланты и белорусских поэтов и прозаиков. Беларусь, в свою очередь, принимала, обогащала духовно российских литераторов, по воле судьбы оказавшихся на нашей земле.